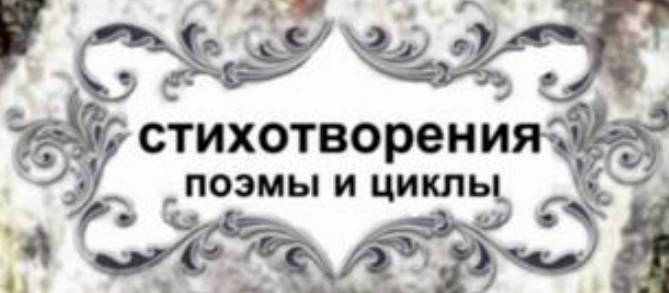

18+ Андрей Сутоцкий

A decorative border made of black and white floral and scrollwork patterns, framing the central text.

**БЕРЕСТЯНОЙ
ОРИЕНТИР**

A decorative border made of black and white floral and scrollwork patterns, framing the text at the bottom.

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ И ЦИКЛЫ**

Андрей Сутоцкий

**Берестяной ориентир.
Стихотворения, поэмы и циклы**

«Издательские решения»

Сутоцкий А. М.

Берестяной ориентир. Стихотворения, поэмы и циклы /
А. М. Сутоцкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695810-4

Поэтическое творчество Андрея Сутоцкого — это стремление уйти от надуманных представлений; это желание довериться Ей, открывая всё новые и новые горизонты такого знакомого и незнакомого нам Мира. В третьей книге поэта, наравне с лирическими, пейзажными стихами немало философских работ, не лишённых боли к Родной Отчизне и тревоги за её будущее. Стихи Андрея Сутоцкого отличают: яркая образность, мелодизм, сильные чувства. Такова концепция поэтического творчества поэта. (стихи 2012 — 2013 годов)

ISBN 978-5-00-695810-4

© Сутоцкий А. М.
© Издательские решения

Содержание

ЗАРИСОВКА	7
ОСТАТОК	8
СОН УСТАВШЕГО МАТРОСА	9
ДАЛАЙ-ЛАМА	10
В ТОСКЕ ПО ДРУГУ	11
НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО	12
ДРУГУ ХУДОЖНИКУ	13
С ДОБРОЙ ПАМЯТЬЮ	14
В ПОЮЩЕЙ ТИШИНЕ	15
ВРЕМЯ – ЗОЛОТО	16
НЕ ПОЛНОСТЬЮ	18
НЕУЛОВИМАЯ ПОПЫТКА	19
ИЛЛЮЗИОН	21
ОЛЬШТЫН	23
ВИЗИТЁРЫ	24
ПО ОБЕ СТОРОНЫ ДВЕРИ	25
ОДНА ДЛЯ ВСЕХ	26
ХАЛЦЕДОНОВЫЙ ЛЕВ	27
ВЕЧЕРНИЕ ГОЛОСА	28
СТРАХ ПРЕД ТИШИНОЙ	30
В РАЗДУМИИ НАД ПЫЛЬНЫМ МАНУСКРИПТОМ	31
ТАНЦУЮЩИЙ ВОЛШЕБНИК	33
ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИИ	34
ПРОСМАТРИВАЯ ЖУРНАЛ «ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО»...	35
ВОРИШКА	36
ЗНАХАРКА	37
ВО ТЬМЕ ПРИВИТЫХ СЛОВ	38
ВЧЕРАШНИЙ МАЛЬЧИК	40
«ЖОПАЧА»	41
ПСИНА	42
...И ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ	43
ПОСЛЕПРАЗДНИЧНАЯ ВСТРЕЧА	44
НЕИЗВЕСТНАЯ ПРИМЕТА	45
СЛОВАМИ СКОРБИ	46
...НО ЭТО БЫЛО	47
ТАЙНА ОЛЬХИ	48
ЭТЮД	49
СОФЬЮШКА	50
УПУЩЕННОЕ ЧУДО	51
ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЮБВИ	52
ГОРОДСКИЕ ОТТЕНКИ	53
БЕЗВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ	54
ВОПРОС	55
ТЕНИ	56
НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ЭТЮД	57
РАССВЕТНО-МИНОРНОЕ	58

ПОМИНАЛЬНОЕ	59
АНГЕЛ ПЕТРОВИЧ	60
ДЫРЯВАЯ ДУША	62
ЛИСТОК ИЗ БЛОКНОТА	63
МУЛЬТИ-ПУЛЬТИ	64
...ДА ВСЁ ПРО МАСТЕРА ИСКУСНОГО И ЗАВИСТЬ	66
ИЗ ПИСЬМА К ДРУГУ	67
СИЛЬНЫЙ ВЕТЕР	68
ЗАСЫПАЮЩИЙ В КУПЕЛИ ЛУГОВОЙ	69
THE GOLD PARASITES *	70
ПОД ВАРГАНЫ* НЕПАЛА	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Берестяной ориентир Стихотворения, поэмы и циклы

Андрей Михайлович Сутоцкий

Дизайнер обложки Андрей Михайлович Сутоцкий

© Андрей Михайлович Сутоцкий, 2026

© Андрей Михайлович Сутоцкий, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-5810-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАРИСОВКА

Цветком восхода высвечены горы
Под чёрной тряпкой выжатой грозы,
Куда глядит нахохлившийся ворон,
В картавом крике высунув язык.
Не молод он. С ветвей сбивает осень
Пурпур листвы, цепляясь за крыла...
А там, внизу, отчётливая проседь
В пустую рощу тропкой пролегла.
Теперь его защитой стала ёлка.
В густой хвое, на южной стороне,
Бесславить жизнь в остатке лет – неловко
И... сожалеть, состарившись, о ней.
Поди, узнай, что скрыто в чёрной птице,
О чём кричит крылатый старый птах...
Но ширь зари раздвинула границы
И... птичью смерть отбросила на взмах.

ОСТАТОК

И вот настали времена,
В которых жизнь сошла в остаток,
В которых смысл гребут со дна,
А дух до низменного падок.
Малыш с игрушкой на полу
Так беззащитен, так потерян,
В то время, как свою хвалу
Рабы возносят лику зверя.
Куда идти и для чего
Ребёнку правды, коль в*****
Закинут будет он в о***?..
...а в похоронке – остальное...
Упав ничком у школьных стен,
Прижат он д**** а*****...
Теперь не встать ему с колен,
Став окончательно приматом.
А жизнь – она не бережёт
И, раздавая погремушки,
Пренебреженно обожжёт
Косой костлявенькой старушки.
Так как же детство уберечь
И защитить в любовь шагнувших,
Когда изъят из ножен меч
На святость детства посягнувших?

СОН УСТАВШЕГО МАТРОСА

Когда золотая варажка,
Блестя над взволнованным пóнтом,
Наполнит надеждой ветрило
Лодейки, обросшей ракушкой —
Дышать уже станет не страшно,
Проявятся тихие ноты...
И там... в небозорье... забрезжит
Приветливый, радостный свет...

Уставшего за ночь матроса
С собой заберут сновиденья...
Ключами судьбы не владея,
Сквозь липкую солость и бред
Он взмост в трансфертном полёте
Над пенисто-мутной водою...
И крикнет ослабшей стихии:
«Виктория!.. Слава Творцу!..
Свободен! Свободен! Свободен!..», —
Но тут же, сквозь радость, застонет,
Увидев, как мокрой ладонью
Закроют глаза мертвецу.

ДАЛАЙ-ЛАМА

«Не делю я космос пополам, ведь,
По своей природе, он – един...», —
Говорил мне русский далай-лама,
Из Рязани в Лхасу на пути.

– Ты погодь, скиталец светоносный...
Даром, что по вере ты буддист...
Разъясни, разжуй, пока не поздно,
Если надо к Небу обратиться,
Смысл неторопливых благозвучий...
На язык души переведи,
Чтоб без всяких способов научных
Я сумел над пропастью пройти.

Вот иду я по лесу устало
Со своей чистейшей правотой
На зарю, что в тучах заплутала
И по цвету стала голубой...
Далеко отсюда до Тибета...
Но да мудрый станет ли искать
В иноземье – Родины рассветы,
Чтоб в рассветах Родиною стать?
От корней душа его пылает
И творятся радостью дела!..
– Ну какой ты, к чёрту, далай-лама,
С бородой рязанского козла?
Оглянись, любезный мой мечтатель!
Чем ты мог, подумай, пренебречь?..
.....

– А буддизм... – из Индии он, кстати,
Где звучит...
архангельская речь.

В ТОСКЕ ПО ДРУГУ

Обо всём понемногу, по букве, по звуку,
Я хочу рассказать, но в ответ – тишина.
Без друзей одному – невесёлая штука
И... бутылка за вечер опустошена.

Развивать не хочу: до банального скучен
Ход житейских проблем и заштатных ролей.
Но ведь время рождения жизни – не случай,
Чтоб вот так прогореть до холодных углей.

А читать между строк – уж куда интересней,
Чем топтать эту топь и замешивать блажь.
И душа – на разрыв, и рождается – песня
Под фаянсовый звон двух исполненных чаш.

Не спешите судить, шелухой давиться:
Все мы зёрна и вместе нам жизнь проживать...
Где ж ты, друг? Помоги от тоски отлучиться
И...
опять,
как всегда,
на года замолчать.

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО

(романс)

Я вас прошу, не проходите мимо
Проникновенно-горьких детских слёз!
Людская жизнь ничем невосполнима
Без чутких душ. Задумайтесь всерьёз.
Не бойтесь, люди, щедрых подаяний
Убогим нищим, падшим и больным.
Чтоб жить в любви – не миновать страданий:
Они нам вместо сытости даны.
Жестоко время! Сколько дней впустую
Ты тратишь, трагик, мучая себя,
Не замечая Истину Святую,
Пустое дело приторно любя.
Всё ищет след голодная волчица,
И, множа гам, слетает вороньё
К тому, в чьё сердце с умыслом стучится
Людское зло – обман пред алтарём.
Скажи мне, друг, доколе слабость эта
В пучины мрака будет нас ввергать?
Скажи мне, друг, дождусь ли я ответа,
Чтоб самому любить не опоздать,
Когда несмело, розовой зарёю
Проглянет день поверх златых полей
И понесёт свой мёд пчелиным роем
Волна Любви всё ярче и теплей?

ДРУГУ ХУДОЖНИКУ

Смотрю в квадрат окна, а там – весенний праздник!..
Возьми его, мой друг, на кисточку свою
И выплесни на холст во всём многообразье,
И ночь пройдёт без сна у творчества в плену.
Ах, сколько красоты проходит без вниманья!
Безбрежный мир её объять нам не дано!
Но если мир – туман, закат на заднем плане,
То мой художник...
пьёт пурпурное вино...
Он подождёт, придёт, – рассвет раскроет шторы...
И стылый мокрый день окрасится листвой...
Несмелый штрих, другой, и луч... прорежет горы
И превратится в нимб над женской головой.
Но как не восхотеть, не попытаться сделать
Подобие любви, хотя бы в трёх цветах,
Чтоб кровь иных сердец в тоске не загустела
И возвратила им желание – пылать!..
Рисуй, художник мой... Пусть свежесть акварели
Целит – как эликсир, тревожит – как весна...
А если что не так – не злись... По крайней мере,
В сомнениях не сгорай и...
позови меня...

С ДОБРОЙ ПАМЯТЬЮ

Говорила однажды мне бабушка
Про нелёгкую долю свою.
Я садился к ней, помнится, рядышком,
Как, бывает, садятся к огню.
И тепло её слова прочувствовав,
Неуёмный, патлатый пижон,
Я часами внимал ей без усталы,
Добротою её заражён.
О трудах незнаваемых отдыха,
О годах нескончаемых войн
Говорила бабуля да охала,
Всё качала седой головой.
А в глазах её – солнышко юное,
А в речах – безмятежный покой,
Будто парус дорожкой лунною
После бурь возвращался домой.
С той поры много времени минуло:
Был бы уповод, то ведь – года...
Но зовёт меня снова по имени
Неземная её Доброта;
Наставляет бесхитростно, вежливо,
Указуя спасительный путь...
– И спасибо Тебе, что по-прежнему
Помогаешь с него не свернуть.

В ПОЮЩЕЙ ТИШИНЕ

Объял, как обруч, мыслей хоровод,
А в центре – я, – отнюдь не исключенье.
Закреть глаза, не думать наперёд,
Не предавая образам значенья
До тишины спокойного ума,
До светлых строк разлитых по страницам,
До глубины, не ведающей дна,
Где так легко пропасть и возродиться,
Истосковавшись в радость по Любви
И новым дням, чья жизнь – одно мгновенье.
Но я ушёл, отвлёкся, уступил
И... был подхвачен завихрем течения
Неугомонных... Трудно их унять...
И я опять болею над строкою.
Забыв покой, стараюсь передать
Изящным словом формулу покоя.
И мир не спит со мною допоздна, —
Он ждёт рассвет катарсиса и страсти,
Чтоб где-то там, пополнив имена,
Собрать в Любовь разбросанные части.

ВРЕМЯ – ЗОЛОТО

*Женщине снился сон, будто одна из её подруг, что умерла недавно,
тихо сидела у дома на скамейке,
лютила семечки и молчала. Тут её женица и спрашивает:
«Скажи, а как там, на том свете живётся?» Но ответа
не последовало... Видение исчезло....*

Явленный нам отрезок,
Жизнью который зовётся,
Ухает камнем в бездну
И, в общем-то, не остаётся.

Ветры с дождями бесследно
Сводят на скальную роспись...
Дремлет под тёплым пледом
Старость у входа в хоспис.

Ясно, что будет дальше:
Не заслонят туманы...
Разве старик уставший
Годы свои обманет?..

Скажет старик: «А ну вас!..
Всё подавай вам сразу!
Небу не повинуюсь —
Быстро сгорает разум».

Там, где цветут сомненья —
Не расцветает счастье.
Не удлинить мгновенья
И не разбить на части.

Не торопись, на троне...
Разуму будь послушен...
Верить своим ладоням —
Значит, забыть про душу.

Явленный нам отрезок,
Жизнью который зовётся,
Ухает камнем в бездну
И, в общем-то, не остаётся.

Но остаётся – Солнце...
Солнце – оно расскажет
Кем был, к примеру...
Моцарт...

Думаю, это – важно.

НЕ ПОЛНОСТЬЮ

От чего же душе моей снова невесело?
Где свернул я с пути и пошёл ковылять?
Невозможно в любви удержать равновесие...
И чем краше брильянт, тем удобней терять.
Удивительный факт: не выходит не нервничать,
Дабы выровнять слог, не плутая в словах.
Разбивают сердца аккуратные мелочи,
Что нельзя обойти и... пе-ре-та-со-вать...
Никакой маскарад не спасёт от падения.
Гложет совесть в зацеп, а вины – не найти,
Чтоб спокойно войти в эпицентр осуждения
И, как жертву, себя на алтарь принести.
Кто, скажи, оградит от неверного помысла
И прицельной стрелы оскорбительных фраз?
Оттого, может быть, мы и любим не полностью,
Чтобы наша любовь не оставила нас.

НЕУЛОВИМАЯ ПОПЫТКА

Стоит пьянчуга в магазине
С копилкой полною монет
И вдруг решает, что отныне
Бросает пить: желанья нет.

Не оттого ли, что «поллитрой»
Вчера словил он по губам?..
Капец, мужик... – судьба разбита, —
Как есть стеклянная судьба.

Стоит пьянчуга в магазине
И с грустью смотрит на ряды
Больших витрин, где зреют вина
С названьем проще простоты.

И, не решаясь сделать выбор,
Вращая банк смешных монет,
Он размышляет: «Может, рыбы?
Иль, это... фарша для котлет?

Пойти купить ребёнку сладость?
А вдруг расстроится живот?
Так значит, стало быть, не надо:
Жена сей подвиг не поймёт...»

В зеркальных стенах – отраженья.
Повсюду носится народ...
И тут он видит, к удивленью,
Свой искривлённый синий рот,

Затем глаза скучнее скуки,
Промокший серый пиджачок...
И, отражением напуган,
Сквозь зубы сплёвывает: «Чёрт!..»

Но, чуть подумав, заявляет,
Бросая фразу в никуда:
«Когда хочу – тогда бухаю!..
Пошли вы на хрен, господа!..»

И, выходя с бутылкой водки,
Не устояв в бою с собой,
Он ловит бодряю походку
И отправляется...
в запой.

ИЛЛЮЗИОН

У Лёни день варения.
Шинкуется салат.
...и жжёт в груди волнение,
Грамм этак – с пятьдесят.
Открыта пачка «Уинстона».
Мобильник к уху льнёт.
В ответ ему неистово
Орёт мордатый кот.
Жена глядится в зеркало,
Кривит губастый рот,
С утра к подруге сбегала,
А та – наоборот...
Слетелись гости быстрые.
В прихожей теснота.
Загладили, затискали
Несчастливого кота.
Затем с блаженной мимикой
Уселись за стол.
Под ухо имениннику
Пропел басок густой.
И вмиг, звеня бокалами,
Залили водку внутрь...
«Ой, в горле что-то встало мне...»
Не охнуть, не вздохнуть...»
Включили громко музыку.
Подняли телеса.
Тряся мослами, пу'зами,
Отправились плясать.
Прошло немного времени
И вот он – скотный двор:
Кого-то бьют по темени,
А кто-то мелет вздор...
Прокуренные, потные
Идут делить кровать.
Теперь уже охота им
Попарно отдыхать.
А тараканы хищные,
Видать, того и ждут,
Когда оставят пищу им
И пьяные уснут.
Лишь Лёня ходит-мается:
Ни выпивки, ни баб...
Из бутылки пытается
Рассольчик отхлебать.
Ну... всё, утомился он,

И мат завис у рта...
И жизнь, как пепел с «Уинстона»,
Слетает – в никуда.

ОЛЬШТЫН

(из блокнота экскурсанта)

В небольшом городке под названием Ольштын,
Где в минорной тиши размышляет орган,
Худощавенький гид переводом дотошным
Разгоняет туман не спеша, по слогам...
Я послушно иду по замшелым камням,
Окружённый колючками шпилей и спиц,
И гляжу на окно, где великий Коперник
В склепе каменных стен был свободнее птиц.
Но меня это фэнтези не привлекает:
Игры магов, теней, палачей, колдунов...
Вон в эргастуле вновь звездочёта пытаются,
По углам пентаграмм роют жерла костров...
Камня лунные сны коридорами бродят.
На гранитном столе веер брошенных карт.
Короли, кардиналы, герои-уроды...
А в умах и глазах – нездоровый азарт.
Ты уж, гид, извини: в этом логове зверя
Вспоминаю я воздух российских полей,
Над которыми, к счастью, кружат не злодеи,
А невинные стаи святых голубей.

...с любопытством прожив эту грустную сказку,
Я едва ли забуду соборный орган,
Что гудел о Любви, и дай Бог – не напрасно,
На партиту связав двух миров берега.

ВИЗИТЁРЫ

Эллипсы, шары и треугольники
По-хозяйски меряют наш мир.
Ночь. Не сплю. Сажу на подоконнике,
Засоряя мыслями эфир.
А вокруг – бриллиантовые отсветы
Выставляют тайну напоказ...
Успокойтесь: мною они отсняты.
Аль не убеждает это вас?
Им дразнить, должно быть, очень нравится,
В кулачок высмаркивая смех.
Что от них грядущему останется?
Что от нас останется от всех?!
Чьё тому виной высокомерие,
Нежеланье выйти на контакт?..
А в итоге – «Факты не проверены...»
...и НИИ уходит на антракт.
В это время шарики стерильные,
Проникая через многослой,
Опускают лестницы с перилами,
Без труда зависнув над Землёй...
А по ним нисходят непокорные
В долгих прятках светобожества,
Чтоб найти нас в тесных тёмных комнатах
И помочь нам тёмным... заблестать...
Так не так... – мы прочно с ними связаны:
Цель – одна, где сходятся пути...

И висят игрушки лупоглазые:
Не допрыгнуть и не обойти.

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ДВЕРИ

В тот миг, когда толстый дядя
Крутился в своём кабинете
На кожаном кресле... Когда
Грудастая тётя в платье,
Аля перуанское лето,
Вносила паранский кофе,
Вышагивая от бедра...
В тот миг, когда кто-то в чёрном,
Склонясь в лицемерной позе,
Достал «Walther P»... Когда
Из вазочки золочёной
Упали на стол три розы,
И страшный орлиный профиль
Откликнулся на металл...
В тот миг, когда белый конвертик
Нырнул в отодвинутый ящик,
И злое перо закрипело,
Хитро выводя нули,
За дверью того кабинета
Стоял любопытный мальчик,
Читая по буквам несмело
Фамилию... Вот, прилип!..
«Дыр-ды-нов, Дур-ды-нов, Дан-дры-нов...», —
Сбивался пацан и... в хохот...
(А хохот гремел погремушкой
по коридору) и...

Мгновенье. Толстяк подпрыгнул,
Запнулся за кресло и... охнул:
Не смог дотянуться до «пушки»:
«... проклятые, ***, нули...»

ОДНА ДЛЯ ВСЕХ

Портрет этой Дамы пером не схватить.
Понять Её суть – не шкатулку открыть.
А паче – не слиться в объятиях с Ней!..
Не бей в барабаны и клясться не смей!..
Я жду эту Даму чрезмерно давно:
Уж новым букетом созрело вино
В дубовых бочонках за двадцать семь лет...
Зима на подходе, а Дамы всё нет.
Но будто я вижу Её маячок,
Что свято хранит под крылом светлячок...
И будто я чувствую слов Её жар...
Но стрелки клонятся и... не удержать...
Эй, что это там? Океанский прилив?
Куда ты? Одумайся!.. Нетерпелив,
Настигнут волною, ты слаб перед ней...
Пугливее ветра, тумана бледней,
Ты тонешь в объятиях, руки воздев,
Теряя себя в похотливости дев.

Нет, имя Её – не для каждого знак.
Немало страдальцев, кто видит не так...
Но так или нет – всем Она в нашу кровь
Успела войти. Эта Дама – Любовь.

ХАЛЦЕДОНОВЫЙ ЛЕВ

Мягкой поступью стремительного зверя,
Из прославленных поэтами лесов,
Грозно вышел белый лев и вознамерил
Отодвинуть нам кармический засов.
Вот он царственно ступает против круга,
И трава под ним не мнётся, не скрипит.
Кто бы знал, что ниспошлёт такого друга
В мир сансары удивительный санскрит.
Белокаменными мышцами играя,
Демонстрируя и мощь, и красоту,
Там, за облаком, он движется по краю,
Многолучьем ослепляя темноту.
Бел и крепок он, подобно халцедону,
И для молниевых стрел – неуязвим...
Неспроста, видать, дотронулся ладонью
До чела его сияющий брахмин.
И, потряхивая солнечную гривой,
Преисполненный отваги, зверь готов
Прорычать великий зов непобедимых,
Нас покинувших до времени, родов.
А дыхание у льва – прохладный ветер.
А глаза у льва – цветы бенгальских роз.
И спешат к нему восторженные дети,
Словно пчёлы на весенний медонос.
Дай же, солнечный, нам смелости и силы
Стать огнём, перерождаться перестав,
Чтоб идти вслед за тобой по краю сини
К тем вратам, где не препятствует Звезда!..

ВЕЧЕРНИЕ ГОЛОСА

На землю спустился вечер.
Зажглись квадратики окон.
Иль звёзды сошли ненароком,
Повиснув на ветках яблонь?
В беседах мужчин и женщин
Блуждают знакомые токи.
Деревня в деревьях тонет,
Встречая прозрачный сентябрь.

За дверцей избёнки старой
Я слышу взволнованный голос:
– Пойду, заварю себе чая...
А ты и без водки – хорош...

Другой лишь вздыхает устало
И, кашляя, не отвечает,
Как будто б живут они порознь...
Но выдохнул всё же:
– Не трожь...
Езжай-ка ты лучше в город...
А мне и без бабы сладко.
А то, что штаны не зашиты,
Так это ведь – ерунда...
Погодь, у меня будет скоро
Такая, прикинь, зарплата,
Что...
– Хватит болтать! Иди ты!..
– А может быть, скажешь куда'?...

Застрёкал в траве кузнечик,
Волна закачала лодку,
И лёгкий холодный ветер
Вспугнул на берёзе листву.
Всё тише и тише речи.
Мужик допивает водку.
И месяц усталый, бледен,
Вскарабкался на сосну.
И что? Человек немного
Вошёл диссонансом в благость.
Так это ведь жизнь... А значит,
В клубке – до фи-га узелков...
И женщина смотрит нестрога...
В душе её теплится радость...
И не замечая, что... плачет,
Вздыхает:

– А мне-то легко?

СТРАХ ПРЕД ТИШИНОЙ

Дед слушает пред сном FM волну.
Гудит протяжно жаркая печужка.
Расплющилась под головой подушка...
Но мыслей ход не тянется ко сну.
Картавый лай собак там, за стеной,
Где краем огорода ходит кто-то...
Да вот встать с постели неохота,
Как нет охоты слиться с тишиной:
Она его всё более страшит
И в темноту уводит за собою.
И если болен он – то ею болен:
Неясный страх покоится в тиши
(...и мы бежим всё дальше от неё
в большом оркестре спрятаться меж скрипок...)
И дед уснул. К стеклу прилипла липа,
Как будто хочет заглянуть в окно.
И пёс скребётся в дверь. Видать, и он
Решил найти укрытие в этом звуке.
А дед закинул за голову руки
И... зацепил приёмничек.
На пóл
Упала песни прерванная нота...
Установилась в доме тишина...
И вот уже ни музыки, ни сна...
И страх опять пред ним вполоборота...

В РАЗДУМИИ НАД ПЫЛЬНЫМ МАНУСКРИПТОМ

Меж запыленных старых страниц
И коричневых выцветших строчек
Скрыта тайна Небесных Границ, —
Мне знаком её ангельский почерк.
Те границы её неспроста
Византийская чернь забелила,
Отстранив нас от дали былинной,
Золотого её Ведовства.

Что ещё предстоит нам пройти?..
Сколько страхов прожить и сомнений?..
Вот, застигнув врага на пути,
Я щитом отбиваю каменья,
Заклинаю ветра не гудеть,
Не сдавая паюровым тучам
Белонебья полдённую треть
И... безлистно торчащие сучья...

Чья-то ночь неусыпной тоски
Стеарином стекает по строкам...
– Несмотря ни на что – не смотри,...
Превращаясь в молитвенный кокон!..

Что скорбящий он знал о Любви,
Проживая убогим монахом,
Уязвимые чувства свои
Скрыв под чёрной материей страха?
Мне в подмогу – языческий бог!
И пускаю я вскачь вороного,
Вызывая лукавых на бой!..
Выше меч, Праславянское Слово!..
Нет, внушением не удержать
Сердце воина и славянина!
– Что ты тычешь мне пальцем в скрижаль,
Дух полей обвиняя в гордыне?
– Обойти эту книгу нельзя,
Как нельзя не дышать...
– Ну, ещё бы!..
Мы ведь кто? – дикари из трущоб и...
Где-то родственники пороят...
– ...и, читая под божьим лучом,
Чистый слог, ясный смысл ощущая,
Всех на свете любя и прощая,
С этой книгой ты вновь обречён
На любовь...

– Обречён ты на смерть
С этой книгой, о, жалкий плебей!
Отвернувшись, решил ты поддаться,
С крестоносицей зла обвенчаться,
Даже слова сказать не успев!..
Подбежав по-собачьи к столу,
Куцым хвостиком нервно виляя,
Возлюбил ты врагов, полагаю,
За хорошую кость и, глодая,
Род Сварожий обрёл на хулу.
Ты зовёшь меня, «друг»,
Отворить «гиацинтовый терем»?.. —
За кириллицей, сладкой на звук,
Погружение действием проверить?..

Но не внемлет обману душа,
Выбрав Радость, Простор и Свободу!

ТАНЦУЮЩИЙ ВОЛШЕБНИК

Зажги меня, танцующий волшебник!
Что может быть прекраснее, чем танец!
Небесный шёлк и вод лучистый глянец
Пришли под флейту в плавное движенье...
Расправились тяжёлые бутоны,
В ладонях лопуха искрят росинки,
И в блеске том балеты насекомых
Легко импровизируют в ложбинке.

Над пёстрым тюлем музыки весёлой
Рассыпался пернатых звонкий щебет!..
Зажги меня, танцующий волшебник,
Сплета ветра в гудящую виолу!..
Танцуй в лугах, танцуй на кромке неба,
Танцуют пусть с тобою даже звери!..
Ситаром отзовётся каждый стебель,
В восходе превратясь в павлиньи перья...

Божественно! Но в свете постоянства
Мне не хватает капельки унынья,
Как сахара в чрезмерно пряном ястве
И разума над фразами пустыми.
И в этом волшебстве – я остываю,
Я выхожу потерянным из танца...

Нельзя безмерно счастьем наслаждаться,
Вино Любви по чашам разливая.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИИ

Проведите меня, люди добрые,
Раз не могут «святые отцы»,
Через город уродливых гоблинов
По горячим следам Лао Цзы,
Где свисает над мраморным кладбищем
Сеть сплетённая рейх-пауком...
Слышишь, Вагнера кто-то на клавишах
Исполняет стальным кулаком?..
Подскажите мне, силы-архангелы,
Как в пути обойти эту топь.
Но, увы, ваши яркие факелы
Превратились в огни Шапито.
Иль ослабли вы, несокрушимые,
Что так часто теряется связь?..

...и орут полководцы плешивые,
За трибуны когтями держась.

ПРОСМАТРИВАЯ ЖУРНАЛ «ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО»...

Поверь, медведя, как известно,
Земля врагу не выдаёт.
...спасаться бегством? Бесполезно.
Лететь ему среди болот —
Что по тропе... Единым махом,
Нагнав, тебя собьёт он с ног.
Да ты и сам помрёшь со страху,
Охотоведенья знаток.
Начнёшь орать и сыпать маты,
Крутить башкой – куда б залезть...
И тут уж не до виноватых,
Когда в глазах вскипает месть.
За всё и вся нам мстит природа:
Когтём, клыком, пожаром, тьмой,
Чтоб не могли найти мы брода
С трофеем шлёпая домой.
Но не престало извиняться
Венцу природы пред слугой!
И вновь гремят в походном ранце
Игрушки смерти пулевой.
Отдать под суд?.. Ага, конечно!..

...и безнаказанный злодей,
Спустив курок ружья беспечно,
Готовит... мясо для гостей.

ВОРИШКА

С глазами, как у дохлого ерша,
Шагал по краю острова воришка,
Одетый в старомодное пальтишко
И... путаницу липкую решал.
На иве, на берёзе, на ольхе
Листок – с пятак, а значит, будет рыба.
И он её за хвост поймает, либо...
Лишь помечтать придётся об ухе.
«О, чёрт возьми!.. И как не проглядел?!..
Помёт медведя – шапкой не закроешь.
Ты что меня, мохнатый, беспокоишь?!..
Выслеживаешь будто бы, злодей?!..»
А из кустов за ним уже глядят
Две пуговицы чёрных глаз звериных...
А так хотелось сбить себе перину
И провалиться в сон, через закат...
Пять деревень протопал вор, а зря.
Иссякли силы. Голод гложет кости.
Притуплен ум. Ни радости, ни злости...
И вдруг – мираж: избёнка у бугра.
Дверь приоткрыта. В доме тишина.
Порог прогнил и скрылся под бурьяном.
Невероятной магией обманут,
Вор в дом вошёл и... рухнул у окна.

Был долгод сон. Проснувшись на диване,
Перед собой увидел он дедка...
А тот ему: «Отведай молочка...
Давай, вставай, сготовилась баня...
(а баня та едва была тепла)
Силёнок нет дрова колоть... Во дóжил!..»

...и понял вор, что доброта дороже,
Чем медный цвет украденного зла.

ЗНАХАРКА

Идёт-бредёт сквозь шёпоты лесов
Старушка, всем известная колдунья;
Идёт-бредёт на чей-то тайный зов...
А из её волос торчат петунии...
В коробочке на лямке из ветвей
Гремят четыре камешка от зверя.
Пойдёшь за ней, и через девять дней,
Не чудо ли, отыщется потеря.

Ты многое поймёшь, идя вослед
Седой старухи, знахарки от Бога.
Был страх и – нет. И боли тоже нет.
Есть только Солнце, Небо и... Дорога.
А коль дойдёшь до домика её,
Что, как известно, на куриных ножках —
Не устоишь, огнём заворожён,
Чтоб не спросить о главном на дорожку...
А вдруг она раскроет свой секрет,
В росе под утро собранный гербарий
И, разложив,... нащупает ответ,
Да пару слов к нему ещё добавит?
А опосля посадит у печи,
Последнего сомнения лишая,
И пред огнём оплавленной свечи,
Погонит прочь того, кто так мешает.

Да я и сам глядел в её глаза,
Поверивший ведунье без остатка,
Дивясь тому, как та могла смотать
В один клубок презренные нападки.
Затем благодарил её, достав
Из портмоне хрустящих пять бумажек...
Но знахарка, в замок сомкнув уста,
Взглянула так, что страшно стало даже.
Я оробел и вышел на крыльцо.
Пугливый кот глядел из-за гвоздики
На то, как я стоял к нему лицом,
В карманах брюк, состраивая фиги.
А надо мной кружилась мошकारа,
Всё время целясь избранно и очень.
Недаром, видно, бабушка добра
Была в ответ на просьбу, между прочим.

ВО ТЬМЕ ПРИВИТЫХ СЛОВ

(кое-что из истории монастыря)

Когда лишь ветер мог сорвать листок,
А молния – пронзить живую душу,
Вздыхался в центре острова чертог,
Что полнился монахами. Послушны
Монахи были Слову. Купола
Манили их к высокому покою.
Нашли приют здесь бывшие изгои,
В небытии сгорая спрехвала.

Лишь колокол ударит на заре,
Как те уже с молитвою вставали...
А жизнь спустя, послушно отбывали
В потусторонний город – Назарет.

Легка ли доля? Вытеснив врагов
Из шатких мыслей, плача втихомолку,
Отдать пришлось им добытое – Волку
Мамай-орды, с презреньем до краёв.
Средь голых стен печали не снести.
Гудели ветры... Лаяли с амвона,
Зверья от поклона до поклона,
Степные азиатские вожди...

Века прошли, пока не воссоздал
Народ свой мир под маковкой крестовой,
Забыв свои первейшие основы,
Он славил ложь и глупо умирал
В прелестной страсти злом привытых слов,
Усердно выдавая их за правду.

Загнав луч Солнца в чёрную лампаду,
Воссел на трон сикстинский богослов.
Так правил он, уroda за уродом
Провозглашая ставленником зла, —
Воцерковляя всякого козла
Служить его святейшеству в угоду.
И вот чертог, столетьем не тревожим,
Опять попал к хазарам под пята...
И, заражённый вирусом безбожья,
Боясь перешагнуть через черту,
Служитель культа – звёзд не замечает,
Блуждая в лабиринтах долгих снов...
«Я не готов. Ещё я не готов...», —

Пред образком он молча заключает...

ВЧЕРАШНИЙ МАЛЬЧИК

Он говорил:

– Мне здесь завязан пуп.

Анисья-бабка сказками кормила.

И старый поп, что был на слово скуп,

Дымил вокруг меня своим кадилом.

Я – сын природы. В лёгком естестве

Промчалось детство, как за вздохом выдох.

И то, что я в лесу на бересте

Врезал ножом – почти уже не видно.

Я рос с травой, листьями, хвоей,

Я вместе с рыбой в озере плескался

И незаметно в таинство своё

Плывущим в небе облаком вписался.

Промчались годы. Только и теперь

Я возвращаюсь выцветшими снами,

Открыв на миг незапертую дверь

Как престарелый маг, за чудесами.

И мне тогда на ум приходит мысль,

Что жизнь свою я, в общем-то и... прожил...

Теперь я кто?.. Зависим, глуп и лыс:

Сухой моллюск, что солнцем обезвожен.

Договорив, достал свои «ноль-пять»

И без закуски выбулькал, как воду,

Вчерашний мальчик, жаждущий летать,

И он же – зэк, шагнувший на свободу.

«ЖОПАЧА»

(из воспоминаний одного деревенского мужика)

Мы исползали на задницах с ребятами
Все ближайšie поляны, хохоча.
До сих пор, наверно, там трава примятая
Помнит милую игрушку – «жопача».
Отбивали мы свой мяч ногами слабыми,
Что в промашке иногда трещала грудь.
Эх, крутились мы, от боли землю грабая,
Но играли, чтобы вдруг не соскользнуть
И не вылететь пинком под смех и возгласы,
Посрамлённо уходя через поля...
По сию пору каракатицами ползая,
В этом деле мы – почти учителя...
Но до первого «мяча», до неприятности...
И, как в детстве, в шмоть изодраны «штаны»,
Совершённою ошибкою запятнаны,
Мы...
всё тою же игрой увлечены.

ПСИНА

Ну что ты смотришь жалостливо, псина,
И ждёшь усердно взгляда моего?
В бездомности своей ты не спесива, —
Подобный нрав даётся нелегко.
В любых глазах ты ищешь только друга.
Впустить тебя – всё то же, что предать:
Невиданною верностью напуган,
Тебя впустивший станет выгонять...
А ты – скулить, искать предлог остаться,
Давясь слюной, раскрыв в улыбке пасть...
Не оттого ль нам с Небом не связаться?
А коли так – не лучше ли пропасть?
Кому нужны неласковые люди:
Их пасмурные души – не отмыть...
А потому та псина кость добудет
Совсем не там, где следует добыть.

...И ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ

Дрозды-шустрецы облепили кусты
И шарообразною стаей кружатся
Над теми кустами, что были густы
От ягод, с которыми можно расстаться
В два счёта. А после – банальный итог:
Последняя ягодка. Вот наказание!..
Останется только прочесть эпилог:
«Кому-то – урок, а кому-то – экзамен...»
Таятся повсюду свои сорняки,
Раскрыться в цветах не давая побегам.
И хочется крикнуть, что силы: «Беги!..
Спасайся!..» Да только не все могут бегать.
Возможно ли это – от зла убежать,
Коль сволочь повсюду следит за тобою
И ждёт не дожётся, когда же восстать
Решится герой, или сдаться без боя.

ПОСЛЕПРАЗДНИЧНАЯ ВСТРЕЧА

Мир в хату, дед Иван! Не обессудь,
Что в Ильин День я всех кормил стихами.
А кое-кто, ты помнишь, отдыхая,
Меня готов был взглядом развернуть...
Стряхнув пылицу бессонницы, я вновь
На полную грудь дышу таёжным краем,
Где щедрый стол в Престольный собирая,
Так много вами чувств привнесено.

Презрев свой дар, молчать я не могу
И новый стих хоть ветру, но читаю.
Здесь к творчеству земля располагает,
Что так легко плетёт во мне строку.
Я шёл к тебе по Марковой горе,
Ещё вдали приметив контур ёлки...
И пусть соседи множат кривотолки,
Но этот дом, где сев на табурет,
Так просто стать счастливым... А скворец,
Что у ворот сидит с простецкой песней?..
И не пойму я, старый, хоть ты тресни:
Без стопки, что, не вкусен огурец?..
Ещё стоят, ещё чего-то ждут,
Но всё-таки оставшиеся в прошлом
Фрагменты жизни: ставни, ведра, плошки...
А брёвна стен, что за сто лет живут?
И вот уже на сердце тает лёд,
И блещет даль, и веселы гармони...
А, наливай!.. Авось не подведёт
Тропа судьбы на старческой ладони!

НЕИЗВЕСТНАЯ ПРИМЕТА

Летучая мышь залетела в избу,
Писклявой занозой непрошено вторглась.
«Имеешь нахальство разладить судьбу?...» —
Глядел на посланца Сергеевич косо.
Не выпытать правды у чёрной души.
Но в мерзко пищащей он чувствовал что-то.
И бедный старик, огорчившись, решил,
Что жизни клубок, «...твою душу!..», размотан;
А после забрался на старенький стул,
Утешил себя барбарискою вкусной
И... мышку, что билась пугливо в углу,
Поймал за крыло. Широко улыбнулся
И... вынес её прямиком на крыльцо,
Подкинув легонько, чтоб та полетела...
«Что будет – то будет... В конце-то концов,
До всей этой дури какое мне дело?»

Летучая мышь залетела в избу,
Ничуть не уменьшив ни боли, ни света...
И дед, сам себя приужалив по лбу,
Особо не стал сокрушаться об этом.

СЛОВАМИ СКОРБИ

светлой памяти Михаила Евдокимова

Смахнуло ветром бабочек с анютиных цветочков.
Рванулись травы в полюшке, да из последних сил,
Как будто бы почувствовав, что в стороне восточной
Погиб без срока-времени наш дядька Михаил.

И что-то не смеётся нам над шутками с экрана:
Сознание болью схвачено... Погиб такой мужик!
Не лез бы в грязь политики и не ушёл б так рано.
Среди бандюк не вошкался б и... мог ещё пожить.

Скорбит земля алтайская. С рассветом медлит солнышко.
Деды да бабки, охая, к заутрени встают.
И молится, и морщится продажный поп о помощи
Безвременно ушедшему, не веря в божий суд.

И кто ж теперь заступится за бедную Рассею?..
И кто ж теперь утешит нас по-свойски да споёт?..
Не за три дня рассеется сухой листвой осенней
Печаль народа русского на русского уход.

...НО ЭТО БЫЛО

Почти не верится сейчас, но это – было
В дремучей давности реликтовой тайги:
Деревней-улицей неведомье ходило,
И местный люд его прикармливал с руки.
А еж ли праздник был какой, то отовсюду,
За людом следуя, шли звери на поклон,...
Под песни сладкие, под гусли-самогуды,
Во славу Ирия – вершины всех сторон.
Не раз случалось наблюдать забавы ради,
Как вслед за лодьей развесёленьких гостей,
Повадки хищника по сытости утратив,
Переправлялась и семейка медведей.

...и вот уж хочется раздолья, в пляс пускаясь,
Да под медовую забористую хмель;
С подружкой любою милюясь и ласкаясь,
Снося от жаждушки стеснения с петель...

А нынче звери-то за сотни вёрст обходят
Деревни тёмные, безглазые дворы,
Где гниль колодезей, промутьившая воду,
Цветёт под рыхлою ледянкой снежуры.
Но будто чувствуя... расплывчато и зыбко,
Устав до смертушки в себе себя губить,
Мы возвращаемся, поднявшись на ошибках,
Чтоб с навьим миром о грядущем говорить.

ТАЙНА ОЛЬХИ

Накинув тень на хрупкую красу,
Под кроной клёна нежится ольха.
Боясь вспугнуть прохладную росу,
Ольха совсем юна, чтоб засыхать.
Но стоит только ветру набежать,
Как вмиг роса становится слезой.
В кругу ветров, взволнованно дыша,
Тревожно ей, невесте молодой.

– Не плачь, не плачь, ... Взгляни, какая синь!..
А Солнце, видишь? – будто под фатой...
...и всё же мир действительно красив!..
Такой открытый, добрый и живой!..
Чего боишься? Полно! Перестань!
Не возбуждай услужливую ложь.
Я не узрел, тебя перелистав,
Садовой розы палевую брошь.
Знай, красоты цветка не соблюсти
На долгий срок любви. А потому
В ином цветенье нам с тобой расти,
В полутонах зелёного тонуть.
Твой гибкий стан дрожит в моих ветвях.
Но что за страх, когда сплетясь листвою,
Так сладко спать в поющих соловьях,
И цвести в единой сцепке корневой?..
Прости меня, я большего не жду...
Пускай ветра, пускай раскаты гроз!..
Но раз весна – весны им не задуть!..
Не плачь, ольха! Освободись от слёз!

ЭТЮД

Не торопитесь, юная настурция,
Привлечь к себе трудолюбивых пчёл,
Пыльцой любви ускорив эволюцию,
Где всякий мир на гибель обречён.
Не торопитесь: Флора не пробудится,
Послушной девой по ветру дыша.
Всему есть срок цветенья. Будьте умницей:
Не вам, принцесса, в выборе решать.
Но что возшло, то вряд ли остановится,
Диктуя нам условия свои.
Так в чём же тут, пардон, загадка кроется?
Неужто снова, господи, в любви?
.....

Давай, пали огнём недозревания,
Бросая змеи алого выюна,
Голодный март благого зачинания,
Сведя снега до пьяного вина!

СОФЬЮШКА

За болотом клюквенным заблудилась Софьюшка.
Во'круг камня серого бродит чуть дыша.
Собрала с усердием полное ведёрушко.
В ягоду бордовую вложена душа.
И шумят над Софьюшкой сосенки взволнованно.
Ветерок испуганный рвётся второпях.
Вся дрожит-стоит она, к валуну прикована,
Ощущая горькую сладость на губах.
Уходила тропками, всё искала выхода,
Но да к камню серому возвращалась и
Вопрошала девица, всё хотела вывести
У сосны да ёлочки верные пути.
И вконец измучена, со слезой горячею,
Села возле камня-то, в горести тужа,
Словно бы смирилась с долей невезучею,
От которой Софьюшке некуда бежать.
Вдруг как пырхнет рядышком из кустов черёмухи
То ли птица совушка, то ли ястребок!..
И очнулась девица, распрощалась с дремою
И пошла за птицею, не жалея ног.
Всё сложилось, к радости – хорошо и вовремя:
Добрела-дотопала – никаких хлопот.
И не знала Софьюшка, что брела за вороном, —
Знать того не ведала, кто её спасёт.

УПУЩЕННОЕ ЧУДО

В городе Кру́пки на старом перроне
Девочка поезда скорого ждёт.
Синие глазки, пшеничные брови...
Страсть ожидания – липовый мёд.
Поезд, наверно – большая игрушка,
Схожая с той, что лежит на полу
Рядом с другими, где кукла Петрушка,
Сломанный робот, да мишка Балу.
Сердцу неймётся... Стеснённые чувства
Можно прочесть по серьёзным глазам.
Что ж эта даль всё никак не отпустит
Взгляд?.. Удивительно... Вот уж слеза —
Струйкой по щёчке... Когда же свершится
Чистая радость, способная стать
Чудом?.. Но чуду мешает случится
Именно то, что приходится ждать.
Сонный диспетчер читает нескоро:
«Поезд идёт с опозданием в час...»
«...вот те и нате... Какой же он скорый?..
Сядь, посиди, не уедет без нас...» —
Будто бы кто-то промолвил несмело...
Девочка села, зевнула и... – в сон...

...птицы летели, вагоны летели,
Пятый, десятый, последний вагон...

Милый ребёнок, хотел ли ты чуда,
Чтоб в ожидании сну уступать?
Знаю одно, что восторгов не будет,
Если желанную встречу проспать.

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЮБВИ

Не живёт, а скорей доживает
Изнурительно долгую жизнь
Одинокой судьбы каторжанин,
Не успев завершить платежи
За любовь, что шептала на ухо,
За восход, что взойти не успел.
Жизнь прошла поэтапной разрухой,
Робин Гуда оставив без стрел.
А теперь – обмани соколицу,
Если камнем да в тартарары,
Где в три дня суждено раствориться
В разноцветном дожде мишуры.
Уж не та ли мгновенная птаха
Величается нами – Судьбой?
Жизнь прожить и подняться на плаху?
Быть в Любви, культивируя боль?
Не успел ты, старик, разобраться
В этом пёстром панно красоты...
Понимаю, непросто признаться
В абсолюте своей пустоты.
Круг очерчен. Но выйти из круга
Не по силам в прыжке огольца.
Серый дождь, неуёмная выюга,
Да безглазая маска лица.

ГОРОДСКИЕ ОТТЕНКИ

Ну, здравствуй, старый город, запутанный и душный!..
Твоих проулков груши вне срока тяжелы.
Вдыхая пыльный воздух, дыханию послушный,
Я вижу, как изящны походки пожилых.
Не торопясь шагаю меж розовых акаций,
Что робко оживили укатанный проспект,
И, как в далёком детстве, мне в радость восхищаться,
Наивно полагая, что зла на свете нет.
Сегодня я поставлю свечу пред словом «тайна»,
Задумаюсь о Вечном, зажгу в душе Любовь,
Ведь Разум, если честно, не для кроссвордов дан нам...
Он дан нам, чтоб подняться могли мы над собой.
И с этим светлым словом захочется мне, верно,
В деяньях дерзновенных творить одно добро.
Но всё решится снова весьма обыкновенно:
Флейтист отложит флейту и явит миру гром.
Ну, здравствуй, тёплый город, кошель многомонетный,
Ревнивец турникетный!.. Туши фонарный свет...
И чем не ангелочки: летят по ветру дети...
И я за ними следом – угрюмый домосед...

Забыв, что безмятежность – недолгий гость сознания,
Обманиваясь в чувствах, что счастье – навсегда,
Зависимый и слабый, ищу я оправданье
Тому, что в этой жизни не всем дано летать.

БЕЗВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ

Безветренный день. О, как долог безветренный день!
Клокот ярой Вселенной обошёл и не тронул его.
К счастью, выдался он, не увяз по часам в ерунде.
Но как долог безветренный день! Мы вдвоём
С этим днём... Успокоить сознание?.. Под стать
Просветлённому йогу, проведшему жизнь на воде,
Чтобы кем-нибудь стать, обязательно кем-нибудь стать...
Пятьдесят – для прозренья ещё не предел.
Безветренный день. Не один я дышу этим днём.
Муравьиная жизнь охватила деревню. С утра
Звуковой паутиной вяжется шёпот... В ином
Измеренье витийствуют злые ветра.
Молотки по гвоздям... – аритмичным биением... Пусть.
Тишина обнажила пульсацию нервов. Бутоны
Георгинов пунцовых (жужжащего мира искус),
Расцвели в тишине, поменяв полюса на ионы.
Воздух свеж.
Не бегут облака.
Рыба в зеркале вод неподвижна.
Так и хочется крикнуть,
сорвать паруса и...
погибнуть в момент.
Или, может быть, выжить...

ВОПРОС

– Разрешите, Иван Сергеевич,
Прицепить вам один вопрос:
Почему, в основном по мелочи,
Человек летит под откос?
Или что-то в нём истощается,
Что не слышит он голос души?
Почему, когда с правдой встречаются,
На язык переходят лжи?
Всё впустую! Да что за оказия
Непрестанно блуждать в естестве
Двух полей полигона Евразия,
Где так любят Христа на кресте?
И плодящиеся в разложении,
Изменившие тьмою свет,
Мы даруем свои достижения
Обитателям низших планет.
Коль Вселенское нам не по разуму,
Значит не по челу венец.
До предела расширив азимут,
Меж прямыми поёт свинец.

Удивившись, Иван Сергеевич
Без эстетства наморщил лоб:
– Отвечать, что ли, надо теперича?
Как пред пастырем юный поп,
Быть с тобою боюсь в несогласии...
Ты наверно, Михалыч, прав:
Очень падки мы на безобразия,
Усомнившись в победе добра.
Облачаемся в чёрную мантию,
Волоча за собою шлейф...
Лишь к персоне своей внимательны:
Дел нам нет до чужих соплей.
И по мелкому снова и снова
Подстрекаем соблазном плоть...
В общем, мой те ответ: хреново...
Но ты всё ж унывать погоду.

ТЕНИ

В старом заброшенном доме
Поселились какие-то тени.
Днём их почти не видно,
Калитка не скрипнет даже.
Они выбирают время,
Когда их ночные владенья
Огарок свечи освещает,
Мерцающей тайны на страже.
Тогда их костлявые пальцы
Дрожат над свечой в окошке...
И речь – не ясна. А хохот —
До холода по спине.
Ну, кто ж там в избе напротив
Живёт... чересчур осторожно
И нам не даёт покоя
Четырнадцать долгих дней?
Всё просто, как оказалось:
Пришельцы – всего лишь пьянчуги.
Ночной их театр – не тайна,
А буча вокруг бутыля.
Стесняясь за вид свой мерзкий,
Нормальных людей почуяв,
Сжигая по рюмкам время,
Они выбирают – яд.
Да только вот выбор этот
Сродни предсмертному стону:
Недолог момент, когда их
Сей дом под себя погребёт.
Но дом хоть и стар годами,
А этих жильцов – не стоит:
Они представители смерти,
А он —
наоборот.

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Верни мне первый день июня,
Зелёный занавес расшторь.
Ты подскажи, моя колдунья,
Тропу в рассветную лазорь;
В леса, где птиц я не дослушал,
В поля, где я не дооткрыл
Мир незаметный, мир нескучный,
Звнящий миллиардом крыл.
И там, в фиолетовом пространстве,
Где млеют бабочки-цветы...

«Не мучь себя ты понапрасну...» —
С тоской в глазах ответишь ты.
И не вернёшь... и не позволишь
О дне минувшем сожалеть,
Ведь жизнь — мгновение всего лишь...
И ничему не уцелеть.

РАССВЕТНО-МИНОРНОЕ

В туеске берестяном
Водка, корка да махорка.
Глупо, друг, блага отторгнув,
Сокрушаться о земном.
«Как тут горькую не пить,
Если скорая могила,
Если старость победила
До того, как начал жить?..»
Верю, доля не горька
Воспарившего над миром.
Прозревайте, командиры,
Тайной горького глотка!

ПОМИНАЛЬНОЕ

светлой памяти А. П. Иванова

Прощай, мой товарищ, прожил ты непросто
На этой планете свои шестьдесят,
Оставив на память июньские звёзды,
Что нам этой ночью так ярко горят.
.....

Какое воздушное слово – Свобода!
От топи болот, паутины и тьмы
Пришли мы к нему, словно талые воды,
Стремительной силою наделены;
Оставив покои гармонии ради,
В тайге растворившись, где тишь да укром,
Забывтой тоскою раскрасив тетради,
Чтоб синие строки читали тайком
Такие же дурни, которым не надо
Стращать, убивать, отбирать, продавать:
От первого взгляда до скорбной ограды—
Огромное Небо да жажда – летать.
Есть дом кособокий, простецкая лодка,
Рыбачьие сети, котёл, сапоги...
И к доброму гостю – студёная водка...
А чё ещё нужно, чтоб жить, мужики?
И всё это – счастье. Ведь счастье находят
Отнюдь не в шкатулках, ларцах, сундуках,
А в раскрепощённой духовной свободе,
Которую, братцы, не нужно искать.

Жаль, радость такую откроет не каждый.
Не каждый счастливчик с лихвой зачерпнёт
Рассветного неба, взмывая бесстрашно,
А после, быть может, и Бога найдёт.

АНГЕЛ ПЕТРОВИЧ

посвящается С. П. Митрофанову

На зов о помощи – не всяк за будь здорово
Способен собственной душою пренебречь.
Как неохотно мы тянемся за словом,
Что может к радости несчастного зажечь!
Что не даёт нам быть людьми? Какая сила
Нас прожигает равнодушием костра,
Когда, склонившись над предательским курсивом,
Мы нервным почерком размазываем страх?
Мы задыхаемся, не сопереживая,
Углём да сажеем раскрашиваем свет
И в темноте своих отравленных желаний
Не видим Ангелов, как будто бы их нет.

Я, к счастью, знаю одного: зовут – Петрович.
Его упрашивать не нужно по беде:
Он даже ночью по-солдатски с койки вскочит,
Лишь обратиться к нему за помощью... Людей
Он отмечает не по званиям-медалям,
Не по «невидимым» конвертам... Просто он —
Рукоположен в человека сострадания,
Совсем не ведая о том, что ангел он.
Когда скучать Ему? (а выглядит устало...)
Издалека ещё махнёт тебе рукой...
И огорчения – как будто не бывало:
Он лечит шуткою, – подход его такой.

Пусть не торопится колдун отвар состряпать,
Когда есть времечко потренировать по душам.
И что с того, что Ангел мой – крестьянский лапоть,
Не понимающий в науке ни шиша.
Воспринимая непосредственно и просто
Незамутненным, не обманутым умом,
Мой друг Петрович в рассуждениях о звёздах —
В сто раз правдивее, чем скучный астроном.
Он может многое постичь мой Ангел, кстати,
Без доказательств и финансовых затрат.
Царю лукавому за вашу боль заплатит
Своим страданием, что выше всех оплат.
«...но жизнь в действительности – спичечная вспышка:
И не заметите – как старость прорастёт
На месте только что в любви зацветшей вишни.
А вы ей под кору вживить хотите лёд...»

Но, чу!.. Вы слышите? Мне ангел друг Петрович
Стучит в окно... И я – бегом до родника,
Где, отмываясь золотой водой от ночи,
С потоком радости вливаюсь в берега,
Чтоб насыщать своим восторгом неусталым
Сухие корни обескровленных лесов,
Чтоб те леса, легко до неба дорастая,
Звенели песнями крылатых певунов.

ДЫРЯВАЯ ДУША

Он брёл по Южной улочке
В дырявой чёрной шляпе:
Чертовски пьяный дяденька
С букетиком цветов
(ирисы ли, гвоздики ли...)
И надо же, внезапно
Скользнул по глине, шмякнулся
И... – тишина. Готов.
Вчера ещё, как проклятый,
Метался на распутье он;
Всё поминутно сплёвывал,
Мол, надобно бросать...
И вот уж от желаний тех
Пестрят одни лоскутики, —
Букет, который дяденьке
Не перерисовать.
Пропил растяпа будущность,
Смял в мокрый ком и выбросил,
Гвоздики ли, ирисы ли
В руках не удержал...
Но не беда: назавтрие
Восполнится сюрпризами
Споткнувшегося пьяницы
Дырявая душа.

ЛИСТОК ИЗ БЛОКНОТА

Где прячутся в соснах норд-осты
И сходятся в круг берега,
Я пью проозёрный воздух,
Снимая налима с крючка.
Азарт стопроцентного клёва
Меня притянул не на час.
Блестящим уловом взволнован,
Я будто впадаю в экстаз.
Смотрю: деревянные друзья,
Смолистой листвою шурша,
Свои ветконосные дуги
Подняли, чтоб мне не мешать;
Чтоб цепкий крючок рыбомана
В кудрявой листве не свистел...
И даже туман полотняный,
Сочувствуя мне, просветлел.
Катаются крупные капли,
Светло зеленеется листва,
Топорщатся дудки, как цапли,
Лоснится на солнце трава,
Ракита простуженно дышит,
Корнями схватив берега...
Там лирик нашёл свою нишу
И в ней – растворён. А пока:
Подлещик крючок объегорил,
Стянув червяка, как чулок...
Прохладно. Знать, скоро прогонит
Меня ледяной ветерок.
А ну пропустите!.. На завтра
Я всех вас опять навещу
И сцену живого театра
Для новых стихов отыщу.

МУЛЬТИ-ПУЛЬТИ

Онежен цветом бархатистым
Прямоугольный огород.
Там тихо спит в углу тенистом
Большой кастрированный кот.

Желтеют в кудрях облепихи
Две равнодушные осы...
А на ветру, в шутейном лихе,
Как флаг, полощутся трусы.

Хозяйка (тётя пожилая)
Из дома вынесла в тазу
Натюр, слезою орошая:
Весь день у тёти ноет зуб.

Промеж ботвы – выюны гороха.
Цветки картофеля – желты.
Вчера в ботве собака сдохла,
И оборзевшие коты

Хрустят на грядке огурцами,
Клубнику дают на десерт...
А им всего лишь – порицанье.
Но тихий увалень – сосед,

Пожалуй, с этим не согласен
И, резво спрыгнув с гамака,
Рванул к своей амурной пассии,
К той самой тёте... Вот те на!..

За жизнь не буйствуя ни разу,
Поднял расколотый кирпич,
И – бац в кота... А кот, зараза,
Как заорёт: «Ты что, Кузьмич?!...»
.....

Средь гладиолусовых трубок,
Сражённый тётей пожилой,
Лежит сосед остывшим трупом,
А рядом таз с большой дырой.

Трещат под яблоками ветки.
Томатный сок раздул парник.
Невосприимчивый к таблеткам,
Вцепился в тётю нервный тик.

...ДА ВСЁ ПРО МАСТЕРА ИСКУСНОГО И ЗАВИСТЬ

Руками плотника мечта воплощена:
Воздвигнут терем у воды на зависть людям.
Да вот оказия: замучила вина, —
Пришла, проклятая, неведомо откуда.
Томят до смертушки строителя слушки
О том, что, дескать, на ворованные деньги...
Пылают злобою вчерашние дружки
И в жгучей зависти, собою не владея,
Гремят стаканами: «Теперь ему поди
Брезгливо пить и сообщаться с беднотою...
Сидит там в тереме один, как господин...
Ну, ничего, паскудна тварь, мы те устроим!...»
«Да что стряслось-то, чёрт возьми? и как связать
Одно с другим?..», — мужик раздумывал ночами.
Но, потирая покрасневшие глаза,
Лишь пожимал в недоумении плечами.
«Отколь умельчивость?!.. — гудел громовый бас...
(звенели стопочки, посверкивали грани...) —
Ужо вспомнянешься, отбрасывая нас,
Букашкой хлипкою барахтаясь в сметане!...»

...и рвался по́ утру, гуляя по стенам,
Плясал скомбро́хом и скатывался с крыши
Огонь пожарища — кудлатый сатана,
Из окон терема искрою алой брызжа.
С тех пор — ни плотника, ни терема, ни слов...
Холмец уголиев — одно напоминанье
О том нетёрпеже, подъявшем всё село
Противо мастера искусного деянья.

ИЗ ПИСЬМА К ДРУГУ

Полощется заря, бликуя на воде.
Лучится синева сквозь ангельские перья.
Не силами природ нам велено владеть,
А свет их принимать, иным огням не веря.
Украсть секрет любви и в формулу одеть
Навряд ли сможет маг, копируя природу.
Не золото в руках – окисленная медь
Намает частый пульс дерзнувшего уroda.
Что крылья зря ломать и биться о стекло,
Подобие любви вымучивать от жажды?..
Без боли о других – неощутимо зло,
Которое сожрёт с костями, и не однажды.
Такой жестокий мир, такой никчёмный мир,
Что жалким петухом кричит ещё о Боге,
Святое превратив в дешёвый сувенир...
Не то чтоб там омыть, в знак уваженья, ноги...

Привет тебе, мой друг! Вдали от суеты
И мне легко дышать настоями деревни...
Дождь с ветром под коньяк. Немного попростыл,
Как будто перешёл...
в иное измеренье.

СИЛЬНЫЙ ВЕТЕР

Трава безропотно склонилась до земли.
Сегодня царствует по миру сильный ветер.
В морях болтаются, как щепки, корабли,
Отдав неровному дыханью на рассвете
Свои промокшие тугие паруса...
Холсты забрызганы, размешаны палитры...
Льняными перьями гуляют небеса,
И чуть колышутся стога, дождём прибиты.
В продутом доме, где гуляют сквозняки,
Так славно греться у печи и на минуту
Открыть искомое, что шепчет: «Мы близки...»
И ветер нам не помешает встретить утро...»
Подобно вееру, раскроются крыла...
И ты найдёшь меня летящим над землёю,
Что неразбужена в безветрии была
И в раскалившейся пыли была иною.
Так не стесняйся же, безумствуй, ураган,
Врывайся демоном, волнуй нас непокоем,
Века неведенья развеяв на века...
Чему противиться, раз небом так устроен
Приют ветров?.. Нет, мы не будем закрывать
Ворота ночи перед вторгшейся напастью...
Мы будем жить, чтоб в этом буйстве устоять
У края времени сомнительного счастья.

ЗАСЫПАЮЩИЙ В КУПЕЛИ ЛУГОВОЙ

Кисть художника творит над майским лугом,
В утончённости изящность проявив.
А ведь только что свирепствовала выюга,
Впопыхах чертя проекции свои.
И, проваливаясь в травную перину,
Удивительно, почти наверняка,
Я ступаю постепенно, покартинно,
По травинкам, клеверинкам, василькам,
По растрёпанному пуху цвета снега,
Что летит по голубому на закат,
В совокупности творца и человека,
Открывая откровенья наугад.
И дыша в высоких травах благочинно,
Растворившись в неизвестном до поры,
Я уже не подчиняюсь тем причинам,
От которых был я с юности бескрыл,
Пред которыми я трясся и бесился,
Необузданною злобой исходя,
Понимая, что не стоит и мизинца
Эта шаткая конструкция моя.
Но да полно философий! Постигая
В совершеннейшем покое путь и суть,
Я слова в живые формы облакаю,
Опасаясь необдуманно задуть
Красоту необозримого пространства,
Тонких линий, обрамлений, завитков,
Променяв на луидоры и пиастры
Бригантинных, затонувших городов.

THE GOLD PARASITES *

Лакей от бизнеса прельщает детвору
На электромобилях покататься.
Проходит час... и вот – четыре бакса
Кладёт мадам лакею за игру...
(бисквитной шляпкой – кружат карусели...)
И пусть кошель его пока не зелен,
Но... – всё возможно... Вдруг уже к утру
Окажется богатым наш бездельник?..
Как падки мы порой до лёгких денег!..
А вот – старушки. Каждой – лет по сто.
Возможно, ошибаюсь я, но всё же...
Стоят у автомата и... тревожит
Их лишь одно: в желании простом
Рвануть за джойстик по гипотенузе
И... улететь, похоронив под грузом
Шальных монет безвольные тела,
Совсем забыв про ветхие дела.
Ну а пока стараться – не в обузу.
Ещё пример, скорее – вариант:
Внушить другим, что ты – посланник неба,
Размахивая формулой нелепой...
За краткий срок, без видимых затрат
Озолотиться... Это ли не в пору?..
А через год прослыть уже матёрым:
Давать сеансы, что-то назначать
И, как насос, «зелёные» качать.
Везде и всюду мы – что саранча,
Пытаемся создать на дармовщине
Свой капитал... по той же всё причине...
Но неким днём, споткнувшись невзначай,
Теряем... жизнь. А жизнь – не заместить.
Спешат часы, нет времени осмыслить...
А где «капуста»? Видимо прокисла.
И мы о том...
безумные... грустим...

* *золотые паразиты (англ.)*

ПОД ВАРГАНЫ* НЕПАЛА

Монахи Непала, мне путь укажите к своим идеалам,
Горячими листьями древа святого привейте основу,
Чтоб был посвящён я навек в добродетель.
Монахи Непала, убейте во мне всё плохое,
И... воин – я выйду из грота, родившись на свет,
Душою раздет.
И будут в ровесниках мне только – дети.
Светла и священна моя добродетель!
О, духи Непала, как чи́сты стремления ваших народов!
Себя добровольно я в руки вам отдал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.